

Николай Rostov

Подлинная история России

РОМАН ПЕРВЫЙ
В ЧЕТЫРЁХ КНИГАХ

Книга третья и четвёртая

**ФЕЛЬДЪЕГЕРЯ
ГЕНЕРАЛИССИМУСА**

Николай Rostov
Фельдъегеря генералиссимуса.
Роман первый в
четырёх книгах. Книга
третья и четвёртая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43651547
ISBN 9785005029287*

Аннотация

История девятнадцатого века – как, впрочем, история любого другого века – есть, в сущности, величайшая мистификация, т. е. сознательное введение в обман и заблуждение. Об одной такой мистификации девятнадцатого века этот роман.

Содержание

КНИГА ТРЕТЬЯ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	19
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	25
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	28
ГЛАВА ПЯТАЯ	35
ГЛАВА ШЕСТАЯ	42
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ	49
ГЛАВА ПЕРВАЯ	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

**Фельдъегеря́
генералиссимуса
Роман первый в
четырёх книгах. Книга
третья и четвёртая**

Николай Rostov

© Николай Rostov, 2019

ISBN 978-5-0050-2928-7 (т. 3, 4)

ISBN 978-5-0050-2778-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КНИГА ТРЕТЬЯ

Сир, вы требуете от меня невозможного!
Седьмой пункт остается в силе.

Павел¹

---

¹ Письмо нашего государя к императору Наполеону. А вот что государь в тот же день Александру Васильевичу Суворову написал! *С французской помощью любой дурак турка победит. А ты без них попробуй. Победа тогда будет слаще! А то ведь горька она будет, ежели я сделаю то, что ты меня просишь. Так что не проси, Александр Васильевич, тот пункт похерить...* Все последующие сноски и примечания будут следовать, набранные курсивом, непосредственно за текстом, к которому они относятся. Это сделано исключительно для того, чтобы не затруднять ваше чтение. К тому же, как правило, их или вовсе пропускают, или прочитывают после прочтения всей страницы, а этого мне бы не хотелось, так как мои примечания играют, смею думать, наиважнейшую роль в моем романе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Боровиковский Владимир Лукич (1757—1825)

Портрет Павела I

Сумский художественный музей

Павел Петрович Чичиков, так теперь я буду называть бывшего управляющего князя Ростова, был человеком хотя и демоническим – и мошенником отменным, – но все же человеком, в сущности, он был безобидным – да к тому же несчастливый. Ведь как он ни старался ужас своим демонизмом на людей нагнать, гипнотизмом голову им до безумия вскру-

жить или фокусными своими штучками на тот свет отправить, – ничего у него не получалось.

И как же ему было досадно и нестерпимо больно! Как он страдал из-за этого.

Вот и сейчас, когда он свою монетку серебряную внимательно рассмотрел, сердце в его груди затрепетало, и он воскликнул: «И с чего это я вдруг решил, что с монеткой ошибся? Зачем убежал? – и с негодованием продолжил: – Нет, это не я, а она мошенница! Так прямо надо заявить. Пусть Бутурлин стреляется!» – И он было, в горячке, ринулся, чтобы им это сказать, но тут же одумался.

Пожалуй, конногвардеец его неправильно бы понял – и канделябрами его – по мордасам – будто шулера какого, схваченного за руку. И Павел Петрович понуро побрел вглубь Лабиринта. Нужно было где-то спрятаться, отсидеться и спокойно обдумать, что с ним в последнее время случилось, и решить, что дальше делать. Но тут он услышал звуки музыки, невыразимо печальные и трагические (созвучные, кстати, его настроению) – и пошел на них.

Вскоре он подошел к двери, из-за которой лилась эта музыка.

– Наконец-то я вас, князь, отыскал! – вошел с сияющей улыбкой Павел Петрович в просторную залу с роялем в самом центре, за которым сидел юный князь Андрей.

– Что вам угодно? – хмуро посмотрел на управляющего князь и перестал играть.

– Нет-нет, – взмолился Павел Петрович, – я вам не помешаю. Играйте! А я тут в уголке тихо посижу и послушаю. – И он бочком направился к креслу.

– Что вам угодно? – уже грозно спросил князь Андрей управляющего и в раздражении захлопнул крышку рояля. – Отвечайте!

Юный князь был в обиде на весь белый свет, как это обычно бывает с молодыми людьми, несчастными в любви, – и душа его, сердце его жаждали только одного – одиночества! А тут явился этот управляющий.

Зачем?

Утешить?

Ни в чем утешении он не нуждался.

– Хорошо. Я отвечу, – ничуть не смутился Павел Петрович.

И он был в обиде на весь белый свет. Но он, как говорится, пожил – и точно знал, как помогает, а порой и воскрешает, в метафорическом, конечно, смысле, чье-нибудь сострадание.

Недаром ведь говорят: поделиться с кем-нибудь своим горем – разделить его.

Вот и захотел он поделиться с юным князем своим горем, разделить его на две равные половины. Легче же от этого станет! И стал делить, нет, не свое горе (это было бы для него, ловкого человека, слишком просто – и потому неинтересно), а свою вину он стал делить на две – и, конечно же, не равные

половины, и, разумеется, не с князем Андреем.

А с кем он хотел разделить, точнее – на кого он решил сваливать свою вину?

Определенно ответить не могу. К тому же, мои любезные читатели, Павел Петрович даже не намекнул юному князю, кто виновник во всех его несчастьях.

Но сразу хочу предостеречь вас. Хотя управляющий и мошенник, но бывает так, что мошенник говорит правду, одну только правду. И этому есть очень простое объяснение. Обстоятельства так припрут к стенке – и не хочешь, а вынужден сказать правду. Или выгодно ему, мошеннику, сказать ее. Бывает и такое.

– Вы думаете, что я вещь бесчувственная? – с неподдельной обидой сказал управляющий князю Андрею. Сказал, будто обвинение ему бросил, что сам он, князь, вещь бесчувственная. – Нет! Представьте, и я могу чувствовать и страдать. – И, как бы в подтверждение его слов, горькая слеза покатила по щеке вдоль его бакенбарды. – Да, я... подлец и мошенник, как вы все обо мне думаете, хотя мне далеко до ваших друзей. – Смахнул Павел Петрович слезу со щеки. – Уж они-то мошенники, так мошенники! – воздел он руки к небу, потрясая своим пистолетом, – и на пистолет свой посмотрел весьма красноречиво – и тут же руки свои опустил, а пистолет под мышку сунул. Потом тяжело вздохнул: – Да, я мошенник и подлец. – И заговорил горячо и страстно: – Но разве я не могу чувствовать и страдать? И раз вы так хо-

тите, то я, как на духу, все честно вам расскажу. Но замечу, не вы один пострадали от ваших (Павел Петрович горько усмехнулся) друзей... Да, и я пострадал от Бутурлина и его Жаннет. Только что. И они меня ищут, чтобы убить! А из-за чего? Разве я главный виновник во всем этом? Разве я с этими фельдъегерями все это проделал?

И так убедительно он эти свои вопросы задал, так негодуяще его глаза горели, а руки нервически сжимались в бесильной ярости, что юный князь к нему полным сочувствием проникся.

Но не понятно ему еще было, что за горе у него такое, из-за чего?

И при чем эти фельдъегеря? Какое они имеют отношение к его горю? И он управляющего прямодушно спросил:

– С какими фельдъегерями? Объясните! Все говорят о них, но...

– Так вы о них ничего не знаете? – всплеснул руками Павел Петрович. – Правда, князь, не знаете?

– Правда, не знаю!

– Бедный мальчик, – искренне пожалел его Павел Петрович и сказал без всякого лукавства: – Хорошо, я сейчас расскажу... что знаю сам, а знаю, поверьте, не так уж много. – И он начал рассказывать.

Его рассказ почти не отличался от рассказа, рассказанного мне привидением, поэтому Павлу Петровичу можно верить, правда, с некоторой оговоркой. По своей натуре он

все же мог кое-что утаить от юного князь. Впрочем, все мы такие. Кому хоть раз мы без утайки все о себе рассказали?

– Вот, князь, где они у меня все! – ударил себя в грудь Павел Петрович. – Вот они, доказательства моей невиновности. – И он расстегнул свою белоснежную рубашку – и достал стопку писем. – Под сердцем храню. Даже сплю с ними. Читайте. Письмо первое. – И он протянул князю сложенный вдвое листок. – Оно у меня мятое и, видите, порванное. Это я его потом склеил. Думаю, и вы бы его смяли и порвали от гнева! Читайте. Мне его два месяца тому назад прислали.

Князь Андрей не без брезгливости развернул смятый, порванный и аккуратно склеенный листок. Вот что там было написано.

Павел Петрович, а вы плут и мошенник! И я могу рассказать обо всех ваших плутнях кому следует. И вы от меня не отвертитесь. Я заставлю плясать вас под свою дудку!

Т. К.

– А вот письмо второе, князь! – страдальчески произнес Павел Петрович и добавил с ужасом в голосе: – Будто мысли он мои угадал, будто наблюдал за мной неусыпно. Я его первому письму не придал никакого значения.

Вы меня, Павел Петрович, вижу, не поняли! Я не старому князю о ваших проделках все расскажу, а тому дворянскому обществу, над которым вы предводительствуете! Да и вашему сыну и дочери вашей, думаю, будет ин-

интересно о вас это узнать. Молодость так любопытна! Так я утолю их любопытство: на какие деньги были куплены вами два поместья в той губернии, где вы аж в предводители дворянства пролезли! А? В грязь вас втопчу.

Разъясню сию угрозу неизвестного Т. К.

Павел Петрович в одной нашей южной губернии приобрел два недурных поместья и слыл там первейшим богачом, весьма уважаемым и почитаемым всеми. В одном из этих поместий и проживало его семейство. Разумеется, оно не знало, что Павел Петрович служит управляющим у старого князя. Разумеется, не знало, и на какие деньги куплены эти поместья.

Свои отлучки он объяснял делами государственными и секретнейшими. Поэтому, сами понимаете, какая бы катастрофа произошла с ним, если бы неизвестный Т. К. открыл бы всем глаза на нашего Павла Петровича!

Так что хватит ерепениться. Письма мои с негодованием рвать и прочие глупости делать. Вы в полной моей власти – и будете безропотно делать все, что я вам прикажу!

Т. К.

– В смятение это письмо меня привело и в недоумение. От кого он про меня все узнал? Как? А он, не давая мне опомниться, следующее письмо через два дня прислал.

Завтра в двенадцать часов дня вы должны встретит трех моих людей. Они будут ждать вас в охот-

ничьей сторожке, что в версте от дороги Москва – Петербург. Пароль – фельдъегеря. Отзыв – генералиссимус. Впрочем, думаю, это лишнее. Они вас знают в лицо. А у них кавказская наружность. Не спутаете. Жить они будут в этой сторожке. Каждый день вы будете к ним наведываться. Привозить еду и забирать почту. Пока все.

Т. К.

– А вот письмо его четвертое, – с дрожью в голосе проговорил Павел Петрович. – Самое каторжное!

Меня интересуют только письма государя нашего Павла Петровича, французского императора Наполеона и Александра Васильевича Суворова. Их надежно спрячьте. Остальные бумаги сжечь!

Т. К.

Р. S. Лошадей, так и быть, можете продать, а деньги взять себе.

– Я продал лошадей графу Ипполиту – и тут же Т. К. разразился бранью! – И Павел Петрович отдал князю Андрею очередное письмо. – Читайте! Каков наглец.

А вы, Павел Петрович, дурак! Продать лошадей графу?! Не ожидал я от вас такой глупости. Если еще раз так опрометчиво поступите, то я с вас три шкуры спущу! И в наказание ваше, Павел Петрович, продажу этих лошадей вы через конторскую книгу проведете. Будто князь Николай Андреевич Ростов их графу продал.

И смотрите, чтоб те деньги, до последней копейки, князю отошли. А то я знаю вас, плута. Обязательно в свой карман что-нибудь положите.

Т. К.

– Видите, князь, с каким мерзавцем мне пришлось дело иметь! Поверите ли, но я готов был растерзать его, когда это письмо прочел.

– Что же не растерзали? – усмехнулся князь Андрей. – И письма, смотрю, больше не стали рвать, а аккуратно в стопочку складывать.

– Осуждаете? – тяжело вздохнул Павел Петрович. – Но ведь я был в полной его власти. Ради детей своих готов был на все! Ведь он, душегуб, по миру бы пустил их, если бы я ему воспротивился. Понимаете, только ради них принес себя в жертву. Но тешил себя надеждой, что узнаю, кто этот... Т. К. Уж тогда спуску я ему бы не дал! – Павел Петрович замолчал, а потом заговорил снова: – Вскоре у меня этот случай представился – и я возликовал. Наконец-то этого злодея увижу! – И он отдал князю шестое письмо.

Павел Петрович, письмо это (государя нашего к императору Наполеону) вы завтра должны отвезти в Торжок. Снимите номер в гостинице и ждите – к вам за письмом придут.

Т. К.

– Но я жестоко ошибался. За письмом он прислал какого-то мальчишку. Мальчишка этот записку мне от него и пе-

редал. Вот она!

Вы что же, Павел Петрович, вообразили несуразное? Я к вам сам заявлюсь – и вы испепелите меня своим взглядом гипнотическим! Неужели вы думаете, что я так глуп? Передайте письмо мальчишке и не вздумайте за ним следить. Не пощажу!

Т. К.

– Нет, – воскликнул Павел Петрович, – я не испугался – и бросился вслед за мальчишкой; но тут мне пьяный драгун дорогу преградил. «Позвольте пройти!» – крикнул я ему. «Не позволю!» – засмеялся мне в ответ драгун и письмо в руки сунул. Последнее письмо этого мерзавца. Читайте, князь, читайте. В этом письме и о вас написано.

Павел Петрович, голубчик!

Вот вы и отмучились. Большие от вас я ничего, клятвою обещаю, не потребую, кроме того, что я вас сейчас слезно попрошу. Убейте, пожалуйста, Бутурлина, Жаннет Моне и князя Андрея.

Ничего, что вы только князя знаете. Вскоре вы и Бутурлина, и Жаннет возненавидите, как я их возненавидел. Они в гости к князю Николаю Андреевичу в поместье заявятся. Заявятся с единственной целью, дорогой мой Павел Петрович, – узнать, кто же наших фельдъегерей на тот свет отправил. А ведь мы знаем, кто к этому делу, так сказать, свою руку приложил. Так что, пожалуйста, я зря вас слезно прошу убить их. Вы без моей прось-

бы с радостью их убьете.

Думаю, вам ловчее сообразить, как вам это сделать. Бутурлин дуэлянт отчаянный, но, в своем роде, и оригинальный. Он не в противников своих стреляет, а в землю или в небо. Да вы сами, наверно, про его дуэльные правила знаете. Так что убьете его без труда и опаски.

С князем Андреем сложнее, но он юноша впечатлительный, поэтому какую-нибудь вздорную мысль, из-за которой он сам застрелится, вы ему должны будете внушить.

С Жаннет как поступить, уж и не знаю. Она самая опасная из всей этой троицы. Вы ее на закуску оставьте. Она большая любительница орехов лесных. Может быть, одним из них она подавится?

А если вы к смерти старого князя руку приложите, то благодарность моя не будет знать границ.

На этом, надеюсь, навсегда прощаюсь с вами.

Ваш Т. К.

Р. S. Уповаю на ваше благоразумие и фокусность. Ведь это вам грозит смертельная опасность, а не мне.

– Ах, вот вы где! – вошла в залу Жаннет и подошла к управляющему и к князю Андрею. – Музицируете? – И презрительно посмотрела в глаза Павла Петровича: – Вы же обещали застрелиться. Почему не застрелились?

– Сами знаете, почему я не застрелился! – ответил Павел Петрович и положил ей на ладонь свою монетку.

– Забавная монетка, – засмеялась Жаннет. – Надо ее Бутурлину показать.

– Показывайте! – засмеялся и Павел Петрович. – Канделябрами, думаю, он меня удостоит, но ведь и вас не помиует. Кстати, где он? Или боится на глаза князю Андрею показаться? Нехорошо он с Прасковьей Ивановной вчера обошелся. Нехорошо!

– Бутурлин, может, нехорошо вчера себя вел, но ведь не по своей воле. Так что бегите отсюда, пока я не рассказала все князю Андрею. Бегите!

– Нет уж, набегался, – ответил гордо Павел Петрович и протянул пистолет князю Андрею. – Убейте меня, князь, я виноват перед вами. Убейте! Или я сам себя убью. – И он приставил дуло к своему виску.

– Что же вы не стреляетесь? – после некоторой паузы спросила его Жаннет.

– И застрелюсь! Но не сейчас, – решительно сказал Павел Петрович. – Я должен, – обернулся он к князю Андрею, – найти Т. К. – И медленно вышел из залы.

– Кого он хочет найти? Т. К.? – удивилась Жаннет. – Очередной его фокус?

– Нет, не фокус, – ответил князь Андрей. – Вот письма, которые ему этот Т. К. написал. – И он хотел было отдать последнее письмо этого таинственного Т. К. Жаннет, но не отдал. – Мошенник! – воскликнул князь Андрей и бросился за управляющим, но того и след простыл.

Думаю, вы уже догадались, какими чернилами те письма
были написаны?

Серебряными!

ГЛАВА ВТОРАЯ

– Вернитесь, Андре! – крикнула Жаннет. – Он сам к нам прибежит!

– Зачем? – удивился князь Андрей.

– Защиту у нас искать.

– От кого?

– Пока не знаю, Андре, от кого. – И Жаннет подошла к роялю, открыла его и ударила пальчиком по клавише. Раздался долгий и тревожный звук. – Но вы сами вчера видели, что с теми разбойниками на дороге сделали. Убили! – И она ударила опять по той же самой клавише. – Убили, так как они свое дело сделали. И с управляющим точно так они поступят. Он-то свое дело давно сделал! – И она заиграла что-то невообразимо бравурное. Вдруг резко оборвала игру – и захлопнула крышку рояля. – Ах, хитрецы! – крикнула она громко, чтобы не только князь Андрей мог ее услышать. – Они нашими руками хотели его убрать, – все так же громко сказала Жаннет и, подойдя к князю Андрею, прошептала ему на ухо: – Не получилось! – И опять громко выкрикнула: – Теперь им самим придется это сделать! – И Жаннет засмеялась.

А князь Андрей смутился от ее безудержно радостного смеха и посмотрел на нее недоуменно: «Разве можно вот так весело радоваться этому?» – «Можно! И нужно, – ответила

взглядом ему Жаннет. – Пусть эти крысы друг друга передадут!» И князь Андрей еще больше смутился. Он нестерпимо хотел спросить ее: «Кто же эти крысы?» – но не решался, точнее – боялся услышать от нее ответ. И все-таки спросил и густо покраснел:

– Да кто – «они», Жаннет? – И решительно добавил: – По глазам вашим вижу, что знаете. Говорите!

– По глазам? – засмеялась Жаннет. – По моим глазам? – И она засмеялась еще сильнее! – Не верьте никогда женским глазам, Андре, – вдруг сказала серьезно. – Моим – особенно. А по вашим глазам я вижу, что для себя вы уже решили, кто они! Нет, не ваш батюшка.

– Но тогда – кто? – На сердце у князя отлегло. И он заговорил с ней на равных: – Христофор Карлович? Его рукой были написаны эти письма к управляющему. И чернилами серебряными!

– Его рукой? Вы уверены, Андре?

– Да, уверен. Я его руку хорошо знаю.

– Ну тогда, Андре, точно... не он эти письма управляющему написал, – решительно сказала Жаннет и добавила: – Эти письма управляющий мог попросить графа Ипполита написать.

– Зачем?

– Зачем? – очень удивилась Жаннет. – Неужели, Андре, не понимаете, зачем он попросил эти письма к нему написать – и почему именно... графа Ипполита?

– Нет, не понимаю.

– Граф Ипполит интригует против вашего батюшки. Он государю письмо свое кляузное написал. Князя Ростова Николая Андреевича, вашего батюшку, он в том письме в таком виде представили, что государь поручил генералу Саблукову немедля во всем этом разобраться – и наказать преступника! И вот потому я здесь, Андре, – сокрушенно вздохнула Жаннет, – разбираюсь, кто все-таки настоящий преступник, кто двадцать пять фельдъегерей убил?

– Разобрались? – вдруг презрительно спросил ее князь Андрей.

– О-ля-ля! – неподдельно обиделась Жаннет, – вы меня уже в ищейки записали! Не рано ли? Впрочем, как хотите, Андре, обо мне думайте. Делу только не повредите. И самому себе. Они вас в свою игру тоже включили. И поэтому управляющий те письма вам показал. Кстати, Андре, расскажите, что в них было написано.

У князя Андрея память была отменная, и он почти слово в слово пересказал содержание тех писем Жаннет, и она воскликнула:

– Теперь я уверена, Андре, что письма эти написал граф Ипполит по просьбе управляющего и под его диктовку!

– Но зачем? Вы так мне и не ответили, Жаннет!

– Разве не ответила? – улыбнулась Жаннет. – Хорошо-хорошо, – заговорила она поспешно, – я отвечу. Но уместней спросить, не зачем, а почему граф написал эти письма.

Да потому он их написал, Андре, что он непроходимо глуп! С сестрой своей Марией, думаю, посоветовался: писать ему эти письма или нет. И, разумеется, она ему ответила, что непременно эти письма нужно написать, чтобы при случае, если вдруг управляющий под подозрение подпадет, хоть так его из-под удара вывести! Мол, не сам он эти злодейства организовал и учинил, а его угрозами заставили. И роль его столь ничтожна (разбойников кормить да почту фельдъегерскую жечь), что можно даже помиловать, если он главных злодеев поможет разоблачить. А самый главный злодей, Андре, по их злодейскому разумению, ваш батюшка. Он ему эти письма с угрозами писал! Но, конечно же, не своей рукой. Это уж было бы слишком! Они поступили хитрее, и письма «рукой» Христофора Карловича граф написал. Он, знаете, мастер любую руку подделать!

– Так, значит, Жаннет, это они злодеи? Граф Ипполит и его сестра Мария! Они фельдъегерей убили?

– Нет, граф Ипполит к этим делам непричастен, а вот с его сестрицей нужно разобраться. И сегодня или завтра мы к ним поедем, Андре, Прасковью Ивановну из их рук вызволять! Они и ее хотят погубить.

– А ее-то за что? Чем она им помешала?

– Ничем! Но, погубив ее, они вас, Андре, и вашего батюшку хотят погубить!

– Так едем сейчас же, Жаннет!

– Нет, Андре, вы не поедете. Я поеду одна. А вам необ-

ходимо помириться с Бутурлиным. Он тоже пал жертвой их дьявольских козней. Вчера на обеде управляющий гипнотизмом своим ему такое внушил, что!.. Да вы сами знаете. Ведь в ту ночь перед дуэлью Бутурлина с полковником управляющий и вам что-то такое внушил, что вы вообразили, что полковника убили вы! Не так ли, Андре? – Жаннет вошла в такое волнение, что кричала так, что ее могли слышать даже на улице.

– Да, это так! – с жаром выкрикнул юный князь. – Я и сейчас не верю, что полковник жив. Думаю, что это его привидение со мной на обеде вчера разговаривало.

– Ах, Андре, бедный мальчик! – театрально воскликнула Жаннет. – Уверяю вас, полковник Синяков Петр Владимирович жив! В ту ночь его не застрелили. Но и он подвергся чарам гипнотическим управляющего! – И зашептала князю Андрею на ухо: – На следующее утро я его нашла в чулане, где восковые фигуры хранятся. «Что вы тут делаете, полковник? – спросила я его. – Все думают, что вы убиты!» – «Да, я убит, – ответил мне полковник, – убит князем Андреем. А все это, – ощупал он себя, – моя восковая фигура, в которую переселилась моя душа!» Вот что внушил полковнику управляющий! – И опять перешла на крик: – И, между нами, Андре, он и сейчас, как и вы, вдруг ни с того ни с сего воображает, что это не он, а его восковая фигура!

– А кем вы себя воображаете? – раздался вдруг голос управляющего. – Да, я вас недооценил, Жаннет. Умри же! –

И грянул выстрел!!!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Жаннет испуганно вскрикнула – и стала грациозно падать на пол. Князь Андрей подхватил ее.

– Вы ранены? – спросил он ее через секунду.

– Нет, Андре, – тихо ответила Жаннет и открыла глаза. – Простите, – освободилась она из его рук, – позволила себе упасть в обморок. – И улыбнулась: – Я... все-таки женщина – и ничего с этим не поделаешь. А управляющий где? Убежал?

– Убежал, – смущенно ответил князь Андрей. – Я тоже растерялся. Подумал, что вы убиты!

– Далеко не убежит, – заверила его Жаннет. – Сейчас нам его Бутурлин в лучшем виде доставит. – И она села в кресло.

И действительно, не прошло и пяти минут, как Бутурлин ввел в залу управляющего, держа его брезгливо за ухо, словно мальчишку какого нашкодившего!

– Зачем же ты с ним, Вася, так строго обошелся? – серьезно спросила Бутурлина Жаннет. – Отпусти его ухо! – добавила недовольно.

Левый глаз у управляющего был подбит, нижняя губа кровоточила.

– Вы так не смеее со мной поступать! – прошепелявил управляющий – и оправил порванный правый рукав своего фрака.

– Ты у меня еще поговори!.. – поднес к его лицу Бутурлин

своей кулак. – Смею я с тобой так, с мерзавцем, поступать или нет.

Управляющий съезжился весь и, отойдя на шаг от Бутурлина, сказал неожиданно гордо:

– Мадмуазель, образумьте своего кавалериста, если хотите от меня чего-нибудь добиться!

– И правда, Вася, – спокойно сказала Жаннет Бутурлину. – Павел Петрович готов нам все рассказать и так. Не надо его больше пугать.

У Бутурлина еще чесались руки, чтобы парочку раз приложить ему «канделябрами» по его шулерской физиономии, и он сказал Жаннет:

– Как хочешь, но ведь все равно он тебе соврет, а правду не скажет!

– Скажет-скажет, – быстро заговорила Жаннет. – Не так ли, Павел Петрович? Скажете нам всю правду – или опять свои игры с нами затеете? Так наперед вам скажу. Наигрались! И наигрались не вы с нами, а мы наигрались с вами. Нам все про вас известно! Поэтому ответьте мне честно на один-единственный мой вопрос – и вас я отпущу с миром. Где, у кого письмо государя нашего к императору Наполеону? Вы поняли, о каком письме государя я вас спрашиваю?

– Понял.

– Отвечайте тогда! Жду вашего ответа.

– Видите ли, мадмуазель Жаннет, – начал говорить управляющий и расправил плечи, – это письмо я отвез в Торжок

и отдал там его какому-то мальчишке. И где оно сейчас, у кого, сами понимаете, я не знаю.

– Лжете, – засмеялась Жаннет. – Отлично знаете, Павел Петрович. Но по глазам вашим вижу, на этой своей лжи вы будете стоять твердо. Но вы ошибаетесь – вас это не спасет. – И она обратилась к князю Андрею: – У вас есть подходящая комната, Андре, Павла Петровича под замок посадить, чтобы он не убежал?

– Есть.

– Вот и отлично! Сопроводи его, Вася, в эту комнату. Пусть он в ней посидит. Завтра мы его людям Аракчеева передадим.

– Стойте! – воскликнул управляющий. – Я все скажу, но с условием, что вы меня отпустите.

– Отпущу. Говорите.

– Это письмо у Пульхерии Васильевны Коробковой!

– У Пульхерии Васильевны? – удивилась Жаннет. – Так ведь она, Павел Петрович, знаете, где?

– Знаю! – насмешливо ответил управляющий. – А вы, я вижу, не знаете. – И продолжил не без негодования: – Эта погорелица в доме капитана Миронова сейчас ото всех прячется. Вот вам истинный крест! – И Павел Петрович истово перекрестился – и бочком-бочком пошел к двери.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Старый князь сидел за столом и что-то писал, когда к нему в кабинет вошел Христофор Карлович.

– Ваша светлость! – сказал наш сказочник подчеркнуто сухо, но с дрожью в голосе. И сам он напряженно вытянулся до звонкой и предательской дрожи щек своих и губ, будто струна перетянутая. Того и гляди – оборвется – и вырвется крик из груди – последний, непоправимо горький, надсадный и прощальный! – Я пришел к вам, – продолжил говорить он, все сильней и сильней натягивая в себе эту надрывную струну. Струну обид и прочих несправедливостей, причиненных ему старым князем. Еще бы мгновение одно – и, несомненно, произошло бы непоправимое и скорбное: струна бы лопнула – струна его души бесхитростной и сердца честного его немецкого и сентиментального.

– Удивительно, с чего это он вдруг струну свою так натянул? – спросил я у хохочущего привидения.

– Не понимаете? – скабрёзно удивилось привидение и пояснило надменно: – Христофор Карлович тот еще злодей. А у нас, у злодеев, как? Чем больше злодействуем, тем больше в себе эту струну и закручиваем, чтобы она оборвалась – да и хлестанула кого-нибудь еще! Не одним же нам из-за злодейств своих страдать?! Пусть и другие пострадают. Вот Христофор Карлович и натянул струну, чтобы

по старому князю...

– Достоевицина какая! – не поверил я привидению. – До нее вам еще жить да жить почти что целый век, злодействовать и злодействовать.

– Что, – усмехнулось привидение, – достоевицины этой мы не заслужили? Нет, милостивый государь, заслужили! И мы души имеем. И мы страдать можем. И злодейства наши потому с таким надрывом творим, что не злодейства они вовсе!..

Он еще мне что-то хотел сказать, но я его оборвал решительно:

– Все, хватит! Вы в другой жанр мой роман хотите свергнуть. Не выйдет. Психологизмов этих у меня не будет. Не интересны они никому, Павел Петрович, ваши психологизмы! Без ваших душевных вывертов я продолжу о ваших злодеяниях писать.

– Тогда и без меня пишите! – захохотало привидение. – Посмотрю, как это у вас получится! Адьо, господин писатель. – И хохот его стихающим эхом покатился от меня в темноту.

– Ох уж ваша остзейская страстность! – скрипуче захохотал старый князь, не поднимая головы и продолжая писать. – Отставки вашей не приму! – сказал вдруг строго. – Не надейтесь. – И опять захохотал: – Так что потерпите меня. Недолго вам осталось. Умру скоро! – И заговорил серьезно: – В неведение вас больше держать не буду. Вот прочтите. – И ста-

рый князь отложил в сторону перо, взял лежащий перед ним лист бумаги и протянул Христофору Карловичу. – Чернила не просохли, – предостерег он своего секретаря. – Аккуратней! – И Христофор Карлович осторожно взял из рук князя листок и стал читать.

По мере того как он читал, щеки его и губы порозовели; глаза, прежде пасмурно и льдисто блестящие от слез, засияли солнечно, правда, сияние это было сиянием зимнего солнца. Одним словом, Христофор Карлович воскрес, и опять сердце его билось бесстрастно – как метрономом, а я от этой метрономной бесстрастности в негодование пришел.

«А что это я так распалился – и в негодование пришел?» – одернул сам себя. Одернул потому, что, во-первых, вроде ни к чему мне себя распалить и в негодование приходиться из-за этого сказочника, из-за восковых сказок его; а во-вторых, несправедливо, как княгиня Вера говорит, одного Христофора Карловича во всех смертных грехах обвинять. Не он же один нам эту сказку «сочинил». Все к ней руку свою приложили. Поэтому в следующей главе я сухо изложу факты из жизни Бенкендорфа нашего; а там сами решайте: кто виноват, а кто нет во всем этом прошлом, да и нашем нынешнем, «сказочном» непотребстве!

Да, я забыл совсем о той бумаге, что князь Христофору Карловичу дал прочитать. Вот она, любезный мой читатель! Читайте. Тогда, может быть, поймете, из-за чего я так распалился и в негодование пришел?

Горемычная душа моя, свет-Александр Васильевич!

Хочу перед смертью выговориться. Может статься, что не дадут нам с тобой на том свете поговорить. Разведут в разные стороны. Тебя в рай утащат – праведника, а меня, грешника, в ад отволокут! Хотя у меня грехов не много, да и твоей святости – кот наплакал.

А души все же мы свои, сам знаешь, давно погубили. Ты своими воинскими подвигами да победами славными (не пойму только, чем они славны?), а я гордыней своей непомерной.

Вот о моей гордыне речь пойдет. Из-за нее, прелестницы моей, я на ваши дела мирские с высоты птичьей равнодушно взираю. И моим наблюдателям, кои с моего воздушного шара на ваше земное копошение взирают, я запретил о тех фельдъегерях даже думать. А те страницы даже склеил, будто не было их! И не очень-то я разгневался, когда их смерти на меня записали. Пустое это все.

Вот вчера я наконец-то бездымный порох изобрел – и ужаснулся: зачем я его изобрел? Ведь теперь с ним ловчее вам друг друга убивать будет! И на душе гадко, будто тех фельдъегерей я самолично зарезал. Но еще гаже, что на поводу у твоей Жаннет распутной пошел. В игры ее праведные играть стал. На чистую воду злодеев согласился вывести. Вывел – да не тех. Ведь первый злодей, Сашка, во всей этой фельдъегерской истории – ты,

а не мой секретарь Христофор Карлович!

А что ты с моими воздушными шарами удумал, зачем попросил меня надпись такую на них сделать – «УЛЕПЕТЫВАЕМ»? Поди, опять каверза какая-нибудь твоя петушиная? А меня в каком свете выставил? Не сомневаюсь, разбранил меня, когда эту надпись прочитал. Что ж, генералиссимус, кукарекай! Может, взойдет твое солнце победное!

Прощай!

Николай Ростов

Без комментариев, как говорится.

Была в том письме еще приписка, сделанная серебряными чернилами:

Знаю давно без тебя и твоей Жаннет, что Христофор Карлович ко мне шпионить приставлен, но он вашим императором (матерное слово) ко мне приставлен. А что и на англичан он старается, то это полная (матерное слово). Немец, если и будет шпионить на англичан, то его шпионство им, англичанам (опять матерное слово), бокком выйдет. Так что пусть шпионит. Мне это, да и тебе, Сашка, только на пользу!

– Ваша светлость, вы мне льстите, – сказал Христофор Карлович, когда прочитал эту приписку. – Шпионить на императора Павла и на англичан?! При всем моем честнейшем прямодушии я бы от этого давно бы с ума сошел.

– Да ты и сошел с ума, Христофор Карлович, – взметнул

брови старый князь, – если в бредни мои старческие поверил! – И добавил: – Копии с моего письма сделай, но без приписки. И англичанам своим отошли – да и царю вашему Павлушке! – И захохотал. И смех его был без хрипотцы старческой, а молодой и разудалый. В общем, разбойницкий!

– Стой! – остановил он в дверях Христофора Карловича. – Приказ по полку напиши. – И он стал диктовать текст приказа: – «Полковника Синякова Петра Владимировича за проявленное мужество произвести в генерал-аншефы!» Написал? Давай я распишусь. – Взял приказ, зачеркнул в нем слова «в генерал-аншефы», а сверху надписал: «в генералиссимусы». Подумал и густо зачеркнул и это. Ладно, ступай, – сказал Христофору Карловичу. – Я еще подумаю, какой чин нашему полковнику присвоить. Ступай!

Христофор Карлович поспешно удалился, но в конторку свою не пошел (копии с письма этого для англичан и императора нашего делать), а побежал, чуть не на крыльях, Жаннет Моне отыскивать.

Разумеется, он ее не нашел. Она с Бутурлиным и князем Андреем в Арсенальный городок укатила. В комнате императрицы он не ее, а управляющего застал!

– Это что вы тут делаете? – крикнул он ему с порога. – Заряд в ее кровать пороховой подкладываете? – И неподдельно возмутился: – Кто же его так, под простынь, кладет? – И не отказал себе в удовольствии пошутить, – тонко, по его разумению, заметив: – Жестко ведь на этом порохе спать ей

будет! – И добавил наставительно: – Под перину кладите!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Тайная экспедиция, утверждал историк Карамзин, сочинила эту ледяную остзейскую сказку.

Я охотно согласился бы с ним, если бы это свое утверждение он подтвердил документально. Но ведь не подтвердил! Правда, мне могут сразу возразить: «Помилуйте, те документы секретные! Как он их мог разгласить тогда, если да же они сейчас, через сто лет, под тем же грифом „совершенной секретности“ находятся?»

Доколе мы в секретности пребывать будем? Пол-России из-за этой «секретности» мы вскоре можем потерять. Не пора ли образумиться? Отечество в опасности, государь! Пора их обнародовать.

Письмо П. А. Столыпина

Совершенно секретно!

Довожу до вашего сведения, Ваше Величество, что при раскрытии сего заговора наибольшие препятствия чинила Жаннет Моне. Сия необузданная девица (как в пороке, так и в прочих вещах) возомнила о себе несуразно, что она первая, – и потому виновата в том, что так блестяще задуманное Вами, Государь, к прискорбию нашему, провалено...

Подписи под сим документом, естественно, нет. А поперек этого документа гневный росчерк:

В Сибирь вас всех, болванов!

Павел

Ну не сукин ли сын этот управляющий? Все мои планы порушил! Ведь я хотел в этой главе с Христофором Карловичем вплотную – до хруста, так сказать, его косточек – разобраться.

– Во всей этой грязной истории, – зашептало мне вдруг вкрадчиво на ухо хохочущее привидение, – всего два чистых существа было. Я и Прасковья Ивановна. Княгиню Веру в расчет не беру. Она из разряда ангелов, души небесных. О ней и о нас пишите! А с этим секретарем что разбираться? С ним ваш читатель без вас разберется. – И, не давая мне возразить ему, сукиному сыну, закричало гневно: – В психологизмах наших, словно в грязном белье, не хотите копаться. А придется!

– Нет, не придется, – отшатнулся я от него. – Проваливайте, чистая душа! – И я захохотал издевательски – и тотчас за свой хохот этим привидением был наказан.

Умыл, что называется, он меня. Такое рассказал, что я чуть не сжег весь свой роман, чтобы сызнова его написать.

Конечно, сперва не поверил ни одному его слову, но он в свидетели княгиню Веру призвал, и она подтвердила, что все в его рассказе истинная правда!

– А роман ни к чему вам переписывать, – заявило мне привидение Павла Петровича Чичикова (так пока я буду его называть). – Ведь это даже интересней – с вывертом этим!

К тому же в вашем стиле. Читателя своего вы любите дурить. Вот и этот поворотец в сюжете вам очень кстати.

И пришлось мне согласиться с ним. И я продолжаю. Но рассказ его пока погожусь обнародовать.

Почему?

Сейчас вы сами поймете – почему.

– Вот вы мне объясните, – спросило меня привидение, когда я пришел в себя от его рассказа, – заодно и читателю объясните (а то он в полном неведении): зачем, из-за чего я вдруг в Жаннет вздумал стрелять? Думаете, не знал, что она мне мой пистолет на свой, с холостым зарядом, подменила? Помните, я его чуть не обронил там, в коридоре? Ну, ответьте хотя бы на этот простенький вопрос!

– А разве она вам его подменила? – удивился я. – Да нет! Не может быть!

– Это почему же «не может быть»? Руки у нее тоже фокусные были. Я сперва и не заметил. Потом уж сообразил. У меня от Лепажы, а у нее от Кухенрейтера. Ну-с, отвечайте, зачем я в нее стрелял?

У меня, разумеется, было что ему ответить. Очередной его фокус не прошел с теми письмами, которые ему якобы какой-то мифический Т. К. написал. Разоблачила его Жаннет. Вот и решил он ее убить. А не получилось – он ей заряд пороховой под перину подсунул. Все это я и хотел ему выпалить, но он меня опередил.

– Письма мне не граф Ипполит написал! И никому я их

писать не заказывал, – закричал он гневно. – Княгиня Вера подтвердит, что письма мне Христофор Карлович самолично написал. – И он выразительно посмотрел на нее. Княгиня Вера молча кивнула головой. – Это меня поначалу с толку сбило, – продолжил он с праведным одушевлением. – Я на него даже не подумал. Графа Ипполита заподозрил. Потому лошадей тех, фельдъегерских, предложил ему купить. Сказал, что они князя. Он и купил их, олух. И поэтому разразился тогда бранным письмом Христофор Карлович. Понял, что я на след его напал. И стал след свой заметать. Но меня так просто не собьешь. Мальчишку ко мне подослал. Драгуна пьяного выставил. Но я и это предусмотрел. Мой человек того мальчишку проследил от самой гостиницы до нашего секретаря, сказочника этого остзейского! Вы думаете, кто я? Павел Петрович Чичиков? Помилуйте, мне, столбовому дворянину, такую смешную птичью фамилию носить?! Это в нашей Тайной экспедиции выдумщики такие. Они мне эту фамилию смешную выдумали. Для управляющего князя Ростова вполне подходящая.

– Так вы тоже? – удивился я.

– Почему «тоже»? – неподдельно оскорбилось привидение. – Я один в своем роде. Меня лично государь наш Павел Петрович наставлял. Даже изволил пошутить: «Смотри у меня, тетка, не посрами наше имя. В Сибирь упеку!» Славный был император. Шутник почище князя Ростова Николая Андреевича.

– А что же вы на поводу у этих злодеев пошли? Чего испугались?

– А кто вам сказал, что я испугался?

– Да вы сами князю Андрею сказали!

– Ну я князю Андрею должен был это сказать. Ведь злодея изображал, заговорщика!

– Не сходится, – насмешливо заметил я ему. – Если вы самим государем к князю Ростову были посланы, то почему не пресекли на корню все злодейства? Двадцать пять фельдъегерей по вашей же милости те злодеи зарезали. И письмо государя в чьи руки попало? Ведь вы его, письмо это секретнейшее, злодеям отдали!

– Опять двадцать пять, – скаламбурило привидение. – Я же вам говорил, не было тех фельдъегерей! То есть убийств тех не было, – поправило оно тут же себя. – Те фельдъегеря у корнета Ноздрева два месяца пропьянствовали да в карты проиграли. Казне потом пришлось карточные их долги оплатить. Что же касается письма, то тут не мой промах, а Жаннет. Она вечно путалась у меня под ногами со своим Бутурлиным. Тем выстрелом я и хотел ее на место поставить. И поставил. В обморок барышня упала. А ведь знала, что холостой выстрел был! Но вон как вышло. Бутурлин мне, пардон, морду набил. Если бы я не при исполнении своей миссии был, разве ему это позволил бы? Так что все сходится, господин писатель! – И опять его хохот потряс парусную комнату. Потом, нахохотавшись, оно мне издевательски произнесло: –

Пишите, но с учетом того, что я вам только что рассказал!

Привидение скрылось в темноте, а я был в полном отчаянье. Что же с моим романом мне делать? Писать его дальше как ни в чем не бывало (как управляющий лукаво посоветовал) – или сжечь его к черту?

И сжечь его было жалко – и писать дальше сил моих не было.

– Знаете, в чем ваша ошибка? – спросила меня вдруг княгиня Вера.

– В чем? – поднял я голову.

– В том, что роман свой писать вы к нам приехали. И всему, что мы вам говорим, верите!

– Да не всем я верю! – возразил я ей. – Только вам.

– А зря! – неожиданно выкрикнула она. – Думаете, я все знаю? Думаете, меня не могут обмануть, как вас только что обманули? Мне же, сами знаете, сколько лет было, когда я умерла. Семнадцать. Семнадцатилетней девчонкой я и осталась!

– Так управляющий опять мне все наврал? Но ведь вы же сказали, что?..

– Нет, не все в его словах было ложью. Но ведь он из Тайной экспедиции! Как вы не понимаете?! Они, из Тайной экспедиции, мастера... ложь, словно платье старое, так перелицевать, что она правдой станет, а правда – ложью. И больше ничего я вам не скажу. Не буду грех на душу брать. Я сама до сих пор не понимаю, что произошло тогда. Но заклинаю

вас! Уезжайте. Здесь вам роман не дадут дописать. – И княгиня Вера загасила свечу.

– Нет, погодите! – остановил я ее в дверях. – Скажите, а фельдъегерей действительно не зарезали?

– Этого я не знаю. Прощайте!

– Последний вопрос, – бросился я за ней в коридор. – Александр Васильевич к этому делу причастен?

– Да, причастен! – ответила княгиня Вера.

И ответила так быстро, уверенно и твердо, что я даже и не понял сразу, что она мне сказала. В первый момент мне показалось даже, что она сказала мне:

– Да, виновен!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На следующий день я проснулся в парусной комнате. Голова моя болела, словно с похмелья. Настроение было отвратное. «Что ж, – сказал я вслух, – княгиня Вера права. Дописать мне роман тут не дадут. Надо уезжать». И я стал собирать вещи. Вдруг зазвонил мой мобильник.

– И не пытайтесь! – услышал я незнакомый мужской голос в трубке. – Вас из дворца не выпустят, пока вы свой роман не допишите.

– Кто не выпустит? – оторопел я.

– А вы не знаете? – глумливо ответил незнакомец.

– Нет, не знаю! – возмутился я. – И кто вы такой, чтобы мне угрожать?

– Помилуйте, разве я вам угрожаю? Наоборот, господин писатель, я вас оберегаю. И, кстати, вы отлично знаете, кто я такой. Мы с вами встречались. Неужели забыли? Ведь это я передал вам тетрадки Порфирия Петровича.

– Так это были вы? – спросил я с дрожью в голосе.

– Да, это был я, – не сразу ответил он мне. – вспомнили? Разумеется, я его вспомнил – и ужас охватил меня.

Думаю, необходимо рассказать вам, как оказались у меня тетрадки Порфирия Петровича Тушина.

Дело было так.

Первую часть своего роман я писал дома. И вот, любезные

мои читатели, стоило мне ее закончить, как раздался телефонный звонок – и я услышал в трубке **ЭТОТ ГОЛОС**:

– Нам необходимо встретиться!

– Зачем?

– Мне поручили передать вам пакет.

– Пакет? Что за пакет? Кто поручил?

– Что за пакет, я не знаю, хотя и догадываюсь, что в нем.

А поручил мне его вам передать Порфирий Петрович Тушин!

– Тушин? Порфирий Петрович? – рассмеялся я. – Да знает ли вы, милостивый государь, – издевательски продолжил я, – что Порфирия Петровича Тушина?..

– Знаю! – перебил он меня. – Но вам только кажется, что вы его выдумали. – И незнакомец расхохотался. Его хохот столь знакомым мне показался, что я подумал, не привидение ли хохочущее мне позвонило?

Нет, я подумал тогда совершенно о другом человеке. С привидением Чичикова я еще не был знаком. Это я сейчас уверен, что голос у позвонившего очень похож был на его голос. А он издевательски продолжил:

– Нет, я не привидение Павла Петровича Чичикова. Не пугайтесь. А Порфирия Петровича, уверяю вас, вы не выдумали. Вернее, выдумали, конечно. Но вот ведь какая, как вы любите говорить, закавыка, любезный мой писатель! Он на самом деле существовал. Так что все, что вы о нем написали, истинная правда. И вам я сейчас это докажу! – И он

мне слово в слово процитировал только что мной написанное.

Дошли до меня сведенья, граф, что вы мумию самозванца вашего Порфирия Тушина за мумию моего баяшки хотите выдать и в Москве в Благородном собрании выставить!

А ну немедля мумию этого тушинского вора ко мне в Санкт-Петербург!

Александр Первый

Разумеется, он меня удивил, но не убедил – и все же мы встретились.

Встречу он мне назначил в метро, в час пик. Я ждал его минут сорок – и когда решил, что он не придет, и пошел к эскалатору, он догнал меня и, на ходу торопливо сунув мне в руки толстый пакет, завернутый в газету, сказал: «Я вам позвоню!» – и скрылся в толпе.

Придя домой, я развернул газету. На пакете, перевязанном крест-накрест шпагатом, я прочел: «Николаю Эн. Передать в собственные руки 7 ноября 2003 года». В пакете оказалось пять толстых тетрадей в клеенчатых переплетах и письмо. Я разорвал конверт, вынул письмо и стал читать.

Господин писатель!

Позвольте объяснить.

Роман я Ваш прочел с большим удовольствием; но прошу прощения, что в соавторы к Вам набиваюсь этими своими тетрадочками. Надеюсь, последние слова мои Вы

верно поймете.

Конечно, Вы большой выдумщик, но Ваша литературная фантазия не вымысел, а правдой оказалась. И вот вам пишу. Уверяю вас, для меня самого загадка, как вы меня вывели в своем романе, как верно «угадали»! Непостижимо ведь все это. Думаю, Провидению так было угодно.

Ну а теперь к делу!..

Прочитав это, я возмущился. Я его, пророка нашего российского, «верно угадал»?! «Помилуйте, – вскричал я, – Порфирий Петрович! Вы же сами надоумили написать меня этот роман!» – и тут же опомнился. Видимо, были у Порфирия Петровича причины так мне написать.

Какие причины?

Не знаю пока. Могу лишь сказать, что пророческие, наверное, и веские. А как он меня надоумил написать роман, каким образом, – я расскажу в своем романе седьмом «Победа серого цвета». Я его уже почти написал. Вот его начало.

Старик с селедочными глазами схватил меня за руку и зашипел мне в ухо:

– Не понимаю, почему он выбрал именно вас? Я бы вас не послал!

– Не посылайте! – выдернул я свою руку из его потной ладони. От старика пахло дешевыми сигаретами, цветочным одеколоном и баннным мылом.

– Явки, пароли, номера телефонов... не забыли?

Повторите!

Я повторил.

– Верно, – сказал он мне. – Удивительно, как вы их не забыли?! Садитесь в машину.

Я открыл дверцу «Победы» серого цвета, сел за руль.

– Ничего не трогайте! – сказал он мне. – Поняли? И ногу уберите с педали. Как приедете, позвоните мне. Назначьте мне встречу и передайте мне письмо. И не пытайтесь его прочесть. Все равно ничего не прочтете. Я его зашифровал своим особым шифром. Только я один его знаю.

– Хорошо, – кивнул я ему, а сам подумал: «Если этот старик не ополоумел и действительно на этом старом драндулете он меня перебросит в прошлое, то с этим бывшим гебистом я встречаться там не буду. Мало ли что он там написал себе?! Прочтет – да засадит в тюрьму или просто, как они любят выражаться, ликвидирует!»

– И не мечтайте! – угадал старикан мои мысли. – Встретитесь вы со мной, встретитесь. Порфирий Петрович потому вас и выбрал. – И он захлопнул дверцу. Мое путешествие в прошлое началось...

СЛАВА НАШЕЙ РОДИНЕ

Николай Ростов

«ПОБЕДА»

СЕРОГО ЦВЕТА

РОМАН СЕДЬМОЙ

Подлинная история России

На этом месте я прерываю этот роман. Замечу только, что старик с селедочными глазами в прошлое меня заслал, чтоб я кардинально изменил наше нынешнее настоящее – капитализм наш, как он говорил, гребаный – на светлое наше коммунистическое будущее!

Каким образом – и удалось ли мне это?.. читайте мой роман «Победа серого цвета».

– Так вспомнили вы меня или нет? – спросил позвонивший мне незнакомец – и замолчал, потом заговорил вновь, не дождавшись моего ответа: – Сегодня четверг – и все они, герои вашего романа, собрались в столовой зале... привидения их, конечно, – и вас с нетерпением ждут. Поспешите! – И я опрометью бросился в столовую залу...

Конец третьей книги

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Второе предисловие к роману первому
и
эпилог...²

А. С. Пушкин

Ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!

---

² Эпилог к чему? Эпилог к роману этому, господа читатели, будь он неладен!

Дело в том, что сгинул, исчез ваш писатель – и роман свой на произвол судьбы бросил! Восковую свою фигуру в столовой зале вместо себя оставил. И что удивительно, господа, на иудином стуле сия фигура сидит, шампанским похмеляется! И теперь мне за него, проказника, его роман придется дописывать⁴.

За сутки до его исчезновения мне позвонил какой-то человек.

– Слушай, – заявил он мне нахально, – смотайся на пару недель в Тверскую губернию! Допиши роман.

– Роман? Какой роман?

– Исторический. Доедешь до Торжка. Там спросишь, как до имения князей Ростовых добраться. Во дворце найдешь парусную комнату. У сторожа Михеича спросишь. В парусной комнате компьютер писателя нашего. Под клавиатурой тысяча баксов. Понял аль нет?

– Две тысячи! – возразил я.

– Заметано.

– Я не договорил. Две тысячи – и не под клавиатурой, а че-

---

³ Этот пушкинский эпиграф используется во второй раз в романе. На это есть веские, хотя и сомнительные обстоятельства.

⁴ Понимаю, вы удивлены. Я сам удивлен. А почему я его проказником назвал, вы узнаете очень скоро. Да, кстати, все дальнейшие свои примечания я буду, за редким исключением, графически оформлять, как ваш писатель оформлял: курсивом и вслед за тем текстом, к которому это примечание относится.

рез сорок минут. Встречаемся на Ленинградском вокзале.

– Согласен. Через сорок минут... но вторую тысячу под клавиатурой возьмешь! – И позвонивший бросил трубку.

Через сорок минут мы встретились. Молча он передал мне тысячу долларов – и удалился. Я даже не успел его разглядеть. Вторую тысячу я нашел там, где он мне сказал.

– Надо же! – крикнул с досады Михеич, запойного вида старик, когда я достал их из-под клавиатуры. – Я и не знал. – И нагло заявил: – Барин, похмелиться бы не помешало!

– Похмелись, – сунул я ему сотенную, разумеется, не долларов, а рублей. – И не называй меня барином! Не люблю.

– Как скажешь, – взял сторож деньги. – Первый-то любил, чтоб я его так звал. Хороший был человек, Царствие ему Небесное. – Перекрестился и сказал: – Помянуть надо!

– Хватит тебе и похмелиться... и помянуть! – ответил я ему – и все-таки достал из кармана вторую сотню, но сразу не отдал, а спросил: – А разве его убили?

– Кто убил? – удивился старик. – Ничего такого я не говорил. Никто его здесь не убивал! – добавил поспешно. – В восковую фигуру превратился. Это... да. У нас это обычное дело.

– Ну-ка, старик, всю правду! В какую восковую фигуру, кто превратил? – напустил я на себя милицейский вид. – Вы, я вижу, пили тут с ним беспробудно, – указал ему на батарею пустых водочных бутылок в углу. – Гони подробности.

– А как не запьешь? – не сразу ответил Михеич. – Не со-

мневайтесь, запыете и вы. Денька два тут поживете – и запыете! А в восковую фигуру его, наверное, драгун или Христофор Карлыч превратил, а может, кто и другой. Много их тут таких. Сами с ними познакомитесь вскоре. Их и расспросите. А мне некогда! – выдернул он из моей руки сто рублей, но сразу не ушел. Потоптался возле меня, потом сказал: – Роман он свой на компьютере писал. Восковая его фигура в столовой зале. – И вышел из парусной комнаты.

Роман его недописанный я тут же прочел – и крепко призадумался!

Во-первых, где тетрадки этого капитана артиллерии в отставке?

Во-вторых, куда пропал писатель?

В-третьих?..

– В-третьих не надо! – расхохоталось хохочущее привидение – и нагло уселось в кресло. – Мы не знакомы. Рекомендуюсь! Павел Петрович Чичиков. Собственной персоной! А вы кто?

– Обойдешься, – ответил я ему. – Где писатель?

– Так Михеич же сказал! В столовой зале, на иудином стуле восседает, шампанским похмеляется, – бисерно прохихикал Павел Петрович. – А все из-за чего? Возомнил о себе несусветное! Допрос с пристрастием нам учинил. А мы ему встречные вопросы задали. Вот он в воск бесчувственный и превратился! И вы хотите туда же – в тьму восковую, смертную?

– Нет, не хочу.

– А что же вы хотите? Роман его дописать? Дописывайте! Мы не возражаем, а даже наоборот... с полным нашим удовольствием поможем его вам дописать. Но при одном непременном условии.

– И какое же это условие?

– Условие простое, обыкновенное. Мы вам текст романа этого продиктуем, а вы его в компьютер запишите. Нам, сами понимаете, его не записать.

– Хорошо, – ответил я, – согласен. Но и вам я одно условие выставляю. Вы мне все, что случилось с этим писателем, расскажете.

– Извольте. Расскажу. Но сперва я бы хотел продолжить роман. Итак, слушайте и записывайте!

– Один момент, – остановил я его. – Мне эта комната не нравится.

– В другой хотите роман наш дописать? – ехидно улыбнулся Павел Петрович. – Пожалуйста. Выбирайте любую. Рекомендую... комнату генералиссимуса! – И он захохотал.

– Нет, в нее не хочу, – возразил я ему. – В столовой зале вы роман свой мне додиктуете.

– На своего предшественника хотите посмотреть? – неожиданно зло спросил меня Чичиков и добавил угрожающе: – Еще насмотритесь! – И тут же переменял свой тон. Заговорил деловито: – Впрочем, как хотите. Только ведь шумно там очень. Проходной двор. Кому не лень там шастают.

И личности, скажу я вам, по большей части... все сомнительные. И каждый будет норовить вам свой вариант нашего романа продиктовать. Замучают. Так что подумайте хорошенько... прежде чем определиться, где вам наш роман дописать.

– Хорошо, я подумаю. Но в этом бардаке я не хочу оставаться! Во что он комнату, писатель ваш, превратил?

– Да, комнату он загадил, – согласился со мной Павел Петрович. – Так куда мы пойдём?

– В комнату воздушного шара.

– Туда вам пока нельзя! – вскрикнуло вдруг испуганно привидение. – Никому нельзя, – добавило с неподдельной грустью. – И дороги туда никто не знает. Разве только князь Андрей да княгиня Вера. Вот если вы их уговорите!.. тогда и я с превеликим удовольствием. – И Павел Петрович крикнул: – Княгиня Вера, гость наш хочет в комнате воздушного шара поселиться! Проводите.

– Нет! – ответил женский голос.

– Видите, – заговорил не сразу Павел Петрович, – не хотят они вас в комнату воздушного шара пустить.

– Не хотят... не надо, – сказал я равнодушно. – В кабинет старого князя ведите.

– Отличный выбор! – Встал из кресла Павел Петрович. – Там и компьютер есть. Этот (кивнул он на компьютер писателя) не нужно вам будет туда тащить. Вы на флешку только скиньте наш роман – и пойдём.

Я на флешку скинул их роман гребаный, и он меня повел

в кабинет старого князя.

В столовой зале я задержался, чтобы посмотреть на писателя.

Писатель в черном фраке сидел в торце длинного стола и в руке держал бутылку французского шампанского («Клико») – и дул его прямо, как говорится, из горла.

– Что, – глумливо спросил меня Павел Петрович Чичиков, – узнаете? Черные бакенбарды. Кудрявая голова!

– Так ведь это! – удивленно вскричал я.

– Тсс! – приложил палец к губам Павел Петрович. – Да, именно... он. Наш незабвенный гений! Он же, – зашептал мне на ухо, – Человек в черном. Но это, вы понимаете, между нами.

– Но как он сюда попал? Ведь умер он сто лет тому назад.

– Ошибаетесь. Умер он (задумался на мгновение Павел Петрович) сто шестьдесят пять лет тому назад. А как сюда попал, отвечу. Загадка гения! – И он подмигнул мне заговорщицки.

– Дурите вы меня! – возразил я ему. – Не мог он этот ваш роман написать. Не его стиль. Да и рука не та.

– Не рука гения, хотите вы мне сказать? Нет-с, ошибаетесь. Его рука. А что порой коряво – и прочее и прочее! Так он специально, чтоб никто не догадался. – И Павел Петрович хотел было схватить меня за руку – и схватил, но, как вам известно, привидения не имеют плоти – и он только ожег мою руку!

– Больно! – отдернул я свою руку.

– Так идемте за мной в кабинет, а то я вас за другое место схвачу! – И я безропотно пошел за ним.

В кабинете он сел по-хозяйски за стол старого князя и начал диктовать мне продолжение...⁵

А я все больше по сторонам стал смотреть. Уж больно мне знакомым кабинет этот показался.

– Да вы меня не слушаете! – рассердился на меня Павел Петрович. – Что вы голову вертите?

– Нет, я слушаю, – ответил я ему, – и записываю. А что голову верчу, не беспокойтесь. Эти три дела я могу одновременно делать. – И как я эти слова сказал, так и вспомнил, где я этот кабинет раньше мог видеть. В своем романе «Война и мир» Толстой этот кабинет описал. Помните кабинет Николая Андреевича Болконского? Ну точная копия этого. Даже токарный станок один к одному.

– Он и нашего старого князя Ростова в своем романе вывел, – угадало мои мысли привидение. – Фамилию только другую ему дал. И все. Кончим об этом! – выкрикнуло привидение. – Граф Толстой никакого отношения к нашему роману не имеет. Простые совпадения. И нет в них никакого глубокого смысла. Мало ли других совпадений?! Солнце, небо, луна и прочие предметы в тысячах романов описаны. Что, и в этом мы должны искать глубокий смысл? Нет.

---

⁵ Даже не знаю, как теперь мне и называть этот роман. В общем, стал он мне диктовать продолжение этого романа первого!

Смысл один, простой. Все мы на этой грешной земле живем. Жили бы, например, на Марсе – другие бы в наших романах совпадения были.

– Глубокая мысль, – решил я издевательски польстить привидению, – толстовская!

– Не юродствуйте, – возмутился Чичиков и продолжил, как говорится, гнать текст своего романа.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Уже тогда, на Мальте, в 1802 году Александр Васильевич Суворов высказал открыто императору Павлу I пагубность седьмого, секретного, пункта Мальтийского договора.

«Позвольте мне самому решать, – ответил император нашему полководцу, – что пагубно для России, а что нет! – И добавил не без издевки гневно: – Вы гений на полях сражений, но сущее дитя в делах политических!»

К прискорбию нашему, оба были правы.

При неукоснительном исполнении этого пункта... неминуемая – и скорая гибель грозила России, но нарушение его или его отсутствие в этом Договоре (на чем настаивал Суворов и «мягко советовал» император Франции Наполеон) грозило той же гибелью, правда весьма отдаленной, но неизбежной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.